

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Б21

Издательство выражает благодарность
Андрею Явному за помощь в приобретении прав на книгу

Художник *Павел Краминов*

Бальчев, Анатолий.
Б21 История с Живаго. Лара для господина Пастернака / Анатолий
Бальчев. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 248 с. : ил.

ISBN 978-5-699-91689-4

Удивительная история последней любви Бориса Пастернака, написанная специально для кино. Книга, которая перевернет и заставит изменить взгляды на многие факты биографии великого поэта. Блистательные диалоги и неожиданные повороты судьбы держат в напряжении читателя с первой строки и до последней страницы. На основе рассказов музы Бориса Пастернака Ольги Ивинской и воспоминаний друзей из ее близкого окружения. Анатолий Бальчев (kira jazz) — легендарный персонаж богемной Москвы 60–80-х годов ушедшего века, музыкант, композитор, режиссер.

«Прочитал... Любопытно... От Кипы я такого не ожидал».

Дмитрий ЛИПСКЕРОВ, драматург, прозаик

«Уверен, что «История с Живаго» заставит читателя нашего расчетливо-бездушного времени сопереживать бескорыстной и трагической любви великого Поэта и его Музы, которых не смогли сломать ни государственная «машина», ни общественная травля».

Феликс МЕДВЕДЕВ, писатель

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-699-91689-4

© Текст, фото, Бальчев А.М., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Издание для досуга

Анатолий Бальчев

ИСТОРИЯ С ЖИВАГО ЛАРА ДЛЯ ГОСПОДИНА ПАСТЕРНАКА

Директор редакции *Е. Капьев*
Шеф-редактор *И. Воеводин*
Литературный редактор *З. Акаева*
Художественный редактор *С. Власов*
Компьютерная верстка *Л. Жиляева*
Корректор *И. Щеглова*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251-58-12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж
International Sales: International wholesale customers should contact Foreign Sales Department for their orders.

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:
+7 (495) 411-68-59, доб. 2261.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 03.03.2017. Формат 60x90¹/₁₆.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,5 + вкл.

Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-699-91689-4

9 785699 916894 >

В электронном виде книги издательства вы можете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:
электронная библиотека

Октябрь, 1958 год

Шведская академия присуждает премию по литературе писателю из России Борису Пастернаку за роман «Доктор Живаго».

Первым русским писателем, получившим Нобелевскую премию по литературе, стал Иван Бунин (1933 год). Сохранилась хроника церемонии вручения награды, всей помпезной атмосферы, которая царила в зале.

Из речи Бунина:

«9 ноября, в далекой дали, в старинном провансальском городе, в бедном деревенском доме, телефон известил меня о решении Шведской академии. Я был бы неискренен, ежели б сказал, как говорят в подобных случаях, что это было наиболее сильное впечатление во всей моей жизни. Справедливо сказал великий философ, что чувства радости, даже самые резкие, почти ничего не значат по сравнению с таковыми же чувствами печали».

Видел ли эту хронику Пастернак, нам неизвестно, но очевидно, что речь он слышал.

Борису Леонидовичу не довелось самому присутствовать в зале Шведской академии, его «нобелевская речь» так и осталась не услышанной. Само собой, денежная

премия в миллион долларов тогда осталась не полученной никем — ни писателем, ни его близкими.

Но что важнее для истинного художника? Деньги или признание? На этот вопрос внятного и конкретного ответа на сегодняшний день мы не найдем.

Ходили слухи, что нобелевский пример Бунина якобы подстегнул Пастернака к написанию прозы. Завидовали ли Борис Леонидович Бунину? Думаю, нет. Наоборот, Борис Леонидович — из рассказов людей, знавших его — радовался, что у Бунина есть возможность писать открыто, пусть даже и в изгнании.

Оба оставили свой абсолютно разный «литературный привет» в адрес Ленина. У Пастернака это были стихи:

...Ревнив их ревностью одной,
Он управлял теченьем мыслей
И только потому — страной.
Я думал о происхожденьи
Века связующих тягот.
Предвестьем льгот приходит гений
И гнетом мстит за свой уход.

У Бунина — проза. «Сам Семашко брякнул сдуру во всеуслышание, что в черепе этого нового Навуходносора нашли зеленую жижу вместо мозга; на смертном столе, в своем красном гробу, он лежал, как пишут в газетах, с ужаснейшей гримасой на серо-желтом лице: ничего не значит, спорят! А соратники его, так те прямо пишут: «Умер новый бог, создатель Нового Мира...». Московские поэты, эти содержанцы московской красной блудницы, будто бы родящие новую русскую поэзию, уже давно пели:

Иисуса на крест, а Варраву —
Под руки и по Тверскому...»

Если бы Бунин в свое время прочитал строки Бориса Леонидовича о «великом вожде», интересно, что бы он сказал? К счастью, в «Окаянных днях» я не нашел ни одного примера, где Бунин, с издевкой перемалывая своих коллег-современников, охаял бы Пастернака.

Писал ли Борис Леонидович свой роман в расчете на какую-то премию, — сомневаюсь. Важно, что проза Пастернака и Бунина, принесшая им награды, абсолютно разная, как по форме, так и по стилистике. Но, наверное, та — именно денежная часть премии — была для Бунина на тот момент очень к месту. А Пастернак, даже узнав о своем награждении, о таких деньгах мог разве только мечтать. Однако тот факт, что «Доктор Живаго» был издан во многих странах мира, для Пастернака это уже само по себе было высокой наградой.

А что касается денег, судьба распорядилась не по законам вселенной, а по обычным бумажным законам международного права, сотканного высокопрофессиональными юристами. В 1989 году в Стокгольме эти деньги получил сын Пастернака, Евгений.

Но, я думаю, судьба денежной премии в те, 60-е годы Бориса Леонидовича никак не волновала. Он получил именно то, о чем мог бы мечтать настоящий художник, — признание.

Но там, где белое, бывает и черное. Издание романа, популярность поэта во всем мире и великая молва — все это обратилось не только в какую-то странную, неожиданную фантаσμαгорию, но и в жуткую трагедию не только для автора, но и для его самых близких людей.

Об одном таком близком человеке, о встрече поэта с одним из самых главных людей его жизни, мы хотели сделать фильм. Но кино так и не срослось...

Предисловие

Так случилось, что в начале 70-х годов судьба свела меня, еще несмышленного мальчишку, с удивительной, красивой с большой буквы женщиной. Эту женщину звали Ольга Всеволодовна Ивинская.

Я дружил с ее сыном, Дмитрием Виноградовым, потрясающим поэтом и переводчиком, стихи которого я превратил в песни, и эти песни часто звучали в моем исполнении для моих любимых людей на закрытых ночных «слетах» в знаменитом ресторане «Архангельское».

В 80-е годы я стал бывать в доме Ольги Всеволодовны чаще и чаще. В то время с помощью Мити я начал пробовать себя в роли «драматурга» и, будучи не совсем скромным, время от времени приносил ему на прочтение свою писанину, достаточно наивную. Думаю, Митя читал эту писанину скорее из чувства такта; тем более, что и времени у него подчас не хватало.

Позднее Митя согласился на одну мою, не совсем скромную, «авантюру»... И мы, вдруг, вместе начали писать пьесу о поэтах. Она так и называлась — «Кафе поэтов». Я тогда работал в театре и носился с идеей сделать музыкально-поэтический спектакль. Стоит отметить,

что советчики у меня были на тот момент весьма именитые: сценарист Игорь Ицков — как-никак лауреат Ленинской премии за фильм «Неизвестная война», великий драматург Михаил Роцин и не менее великий кинорежиссер Андрон Кончаловский. Видимо, их вежливое — связанное с их природным тактом — одобрение моей «бредовой» идеи и послужило толчком к митиному согласию. Поскольку основной груз писания текста взвалил на себя Митя, я был на подхвате. Процесс рождения этой пьесы происходил в их доме. И, само собой, мне приходилось там часто бывать и многие часы проводить в атмосфере ироничных рассказов и воспоминаний Ольги Всеволодовны Ивинской о событиях в России 50–60-х годов. Иногда мы вместе ужинали и, как правило, у нас у каждого на столе, в маленькой семиметровой кухне, была рюмка хорошей водки и традиционная закуска того времени: вареная картошка, капуста, сардельки, селедка — все, как положено, «как в лучших домах ЛАндОна». Во время этих скромных застолий я позволял себе рассказывать им всякую «чушь» из светской московской жизни. Ольга Всеволодовна всегда с удовольствием слушала эти откровения и очень живо реагировала на некоторые эпизоды, связанные с моими романами, что казалось абсолютной грязью в сравнении с историей Лары из «Доктора Живаго». Я еще помню приплюснутую мордочку ее любимого пекинса. Он по-доброму фыркал на мое косноязычие, а, может быть, и на клубы сигаретного дыма, которые непрерывно выпускали из своих легких то Митя, то Ольга Всеволодовна. Пекинса звали Арончик, все последние годы жизни это был ее самый верный друг.

Многое в моей памяти осталось как о том времени, так и о том, что Ольга Всеволодовна рассказывала на

своей знаменитой кухне. Вот, что я вспомнил из ее рассказов о романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго»:

— Меня часто спрашивают, являюсь ли я той самой Ларой. Я думаю, можно сказать о прототипе, о различии между реальным человеком и художественным образом и степени их сходства, о совпадении судеб. Кроме того, это образ собирательный, в нем есть несколько женских характеров, даже и часть духовного мира самого Бориса Леонидовича. Видимо, в основу образа Лары легли мои черты, в том числе биографическое сходство, схожесть внешняя. «Это — Лара моей страсти», — пишет Борис Леонидович обо мне в письме к Ренате Швейцер. Я или не я — не это даже главное. Лара — любовь Живаго-поэта, создание и достояние его духа — гордого, независимого, не сломленного перипетиями жестокого бытия, тогда как Живаго-человек оказывается бессильным перед реалиями мира. Умер доктор Живаго, поэт Живаго жив, жив роман, и, если какая-то женщина хотя бы на миг почувствует себя Ларой, — значит, в ее сердце есть место для любви жертвенной, чистой. Рада ли я выходу в свет романа в России? — Конечно, рада, по-другому быть и не может. Это была мечта Бориса Леонидовича, хотя он переживал за то, как воспримут на родине его детище.

Ближе к концу 80-х вокруг Ольги Всеволодовны и Бориса Пастернака разговоров ходило все больше и больше, тема их любви — в свое время совсем закрытая — вызывала у людей живой интерес. В то время я как раз пробовал себя в роли продюсера, и идея фильма о Борисе Леонидовиче и о его музе не выходила и из моей головы. А будучи человеком активным, я каждое свое новое знакомство пытался, так или иначе, превратить в создание

кино, набравшего в те дни — в отличие от застойного периода — все больше и больше свободы.

И вот... как-то раз произошла моя встреча с одним крупным американским адвокатом. Он в составе культурной делегации посещал Москву. Дело было вот как: меня пригласили в качестве «творческого персонажа» мои друзья, которые праздновали в гостинице «Космос» наступающий 1988 год. Для антуража я взял с собой двух своих подружек: обеих звали Наташами, обе, конечно, были бесспорные красавицы, обе говорили по-английски. И здесь, должен признаться, был мой корыстный замысел — я хотел задействовать их в качестве переводчиц. Однако стоило нам оказаться внутри бара, как наши американские друзья и коллеги тут же окружили моих спутниц — с жадной общением и внимания, — и я был вынужден практиковать свое убогое знание английского языка.

В какой-то момент я увидел — мою голубоглазую Наташу осаждают весьма странный тип с орлиным носом... Между ними шла очень эмоциональная беседа. Наташа заметила мой взгляд, и они подошли ко мне. Человек с орлиным носом представился как Гарри, и оказался он адвокатом из Сан-Диего. Позже я узнал, что спорили они о литературе: о русской, а точнее, о литературе русско-советской и, конкретно, о Пастернаке. Бориса Леонидовича, а тем более экранизацию, снятую по его роману «Доктор Живаго», знает каждый американец. И конечно же, Гарри загорелся идеей создания фильма о Пастернаке. А когда рядом такая спутница, это не только вдохновляет, но и обязывает. Стоит отметить, что позднее Гарри и Наташа стали мужем и женой; после той новогодней ночи они встречались, мотались по зимней Москве, и она, в продолжение их споров о литературе, даже свозила его в Переделкино, на кладбище, где похоронен Борис

Пастернак. А потом я привел их в мастерскую художника Бориса Мессерера, в которой он проживал тогда со своей женой — величайшей поэтессой XX века — Беллой Ахмадулиной. Эта мастерская имела свою историю, я бы даже назвал это место намоленным... Кого здесь только не было: и Высоцкий с Мариной Влади, и Евтушенко, и Вознесенский...

Любой мало-мальски образованный европеец, оказавшись он в этой мастерской, сначала бы, конечно, опешил, но потом, не проявляя внешнего восторга, стал бы внимательно осматривать все вокруг... А здесь — всего минута — и вот уже наш Гарри спешит рассмотреть сразу все экспонаты и, разинув рот, не знает на чем сначала остановить свой взгляд. И немудрено, картины, нагромождение граммофонов, кресла, театральные макеты создавали неповторимую атмосферу, где творили художник и поэт. Ранее от нас с Наташей Гарри узнал, что Белла Ахмадулина была одной из тех молодых литераторов, кто отказался подписать коллективное письмо студентов — тот самый «пастернаковский пасквиль». Конечно же, для американца Гарри встреча с поэтессой, пошедшей наперекор советской власти, да еще в столь юном возрасте, несомненно, была интересна... Однако, к его сожалению, в тот вечер Беллы не оказалось. Зато на стене висел ее портрет, написанный супругом, и множество фотографий с довольно известными персонажами того времени...

К слову сказать, на книжных прилавках появились воспоминания Бориса Мессерера о Белле, где, в том числе, рассказано и о ее знакомстве с Пастернаком. И об одной из встреч с Ольгой Ивинской, что произошла уже позднее в доме фотохудожника Валерия Нисанова.

Из книги Бориса Мессерера «Промельк Беллы»:

«Валера очень тесно дружил с поэтом и переводчиком Митей Виноградовым, сыном Ольги Всеволодовны Ивинской — великой женщины, которую в последние годы своей жизни любил Пастернак. Она претерпела ужасные испытания — дважды была арестована и провела много лет в заключении. Потом написала изумительную книгу воспоминаний «В плену времени». В ней она тепло упоминает о Белле.

В доме Валеры мы провели счастливые часы общения с Ольгой Всеволодовной, которая с первых мгновений вызвала у нас с Беллой подлинное восхищение. Несмотря на все тяготы жизни, она излучала какой-то особенный внутренний свет».

Я нашел в воспоминаниях Ольги Всеволодовны те самые строки, о которых говорит Борис Мессерер:

«Здесь появилась розовая и кареглазая красавица, Белла Ахмадулина. Она дышала какой-то удивительной свежестью...»

Но вернемся к нашему Гарри. Весь наш поход к Мессереру произвел на него неизгладимое впечатление, ему казалось, что он попал в самую Мекку культурной жизни Москвы того времени! Позднее он часто вспоминал и тот ужин в мастерской, и те удивительные истории, главным рассказчиком которых был сам Мессерер... Несомненно, этот вечер прибавил в глазах Гарри значимости всему нашему проекту.

«Наконец! — подумал я, — нашелся человек, который влюбился в Пастернака!» И я, приняв все за чистую монету, уже представлял его потенциальным продюсером

нашей истории. В то время я тесно общался с Суриковым, директором «Совинфильма». В советское время эта контора была заточена на создание совместных международных проектов. И на тот момент у них как раз формировался «пакет» из семи или десяти фильмов, которые должны были войти в план для производства с Голливудом, если найдется иностранный инвестор. Наш «Пастернак» тоже был в этом списке. Стоит заметить, что «Совинфильм» находился в старом особняке на Большой Никитской, а кабинет Сурикова выглядел весьма помпезно: кожаные диван и кресла, резной письменный стол, а на стенах — большие плакаты фильмов, сделанных совместно с американцами, французами, японцами и др. Нашего Гарри особенно впечатлил плакат киноэпопеи «Peter the Great»... И здесь я, перехватив блеск в его глазах, увидел, как Гарри уже представил себя с плакатом фильма о Пастернаке, где крупными буквами написано его имя — имя главного продюсера всего будущего кинематографического полотна.

В итоге, весь каскад встреч, свалившихся, не без моей помощи, на «бедного» Гарри, так его воодушевил, что и меня заставил утвердиться в своей великой надежде на эфемерный Оскар. Что говорить, он даже подписывал с Суриковым какой-то предварительный договор...

А года через два я даже был гостем Наташи и Гарри в Лос-Анджелесе. Однако на тот момент, к сожалению, идея участия Гарри в судьбе нашего фильма уже улетучилась... Отношения Гарри и Наташи стали похожи на тот талый мартовский снег, что они видели однажды на могиле Пастернака; и было очевидно, что вся эта затея с продюсерством нужна была нашему калифорнийскому адвокату только для того, чтобы Наташа поверила — ей повстречался кавалер, не только обладающий капита-

лом, но и кавалер — мужчина... в полном смысле этого слова, да еще и со слепым стремлением познать «великую русскую культуру», и с заявкой на интеллигентность.

А после того, как эта импровизированная парочка развалилась, идея создания фильма не покидала уже не только меня, но и Наташу. Через несколько лет она нашла какого-то продюсера, и они сделали документальный фильм с Ольгой Всеволодовной, который назывался «Лара — моя жизнь с Борисом Пастернаком». И его даже, по-моему, показали по какому-то немецкому ТВ.

И вот я еду в Лос-Анджелес и знакомлюсь там с двумя бывшими «нашими», которые так же хотели развивать кино в нашей перестроечной России. Одного звали Юрий, другого — Дэвид. Я рассказал им о некоторых проектах, которые находились в моем «портфеле», это были и музыкальный фильм «Театральный сезон», и документальный фильм «Идолы», и, конечно же, — главный козырь — «История Пастернака». Именно этой истории они и отдали свое предпочтение: сразу же раздобыли книгу Ольги Всеволодовны «В плену у времени. Годы с Борисом Пастернаком» и, прочитав, тут же стали обсуждать со мной возможность получения прав на нее. И так же — кто бы мог написать сценарий и сколько бы это стоило. В итоге решили: я найду сценариста, уговорю Митю, а он — маму, и начнется работа.

К счастью, искать мне не пришлось, у Ольги Всеволодовны и Мити был друг, прекрасный сценарист из Литвы, Пранас Моркус. Пранас часто бывал в этой семье, хорошо знал Ольгу Всеволодовну. Когда я его увидел впервые, меня поразили его такт, умение слушать собеседника и манера излагать свои мысли так, что они потом не покидают слушателя. Мне запомнилось его

живое лицо, глаза светлые, заставляющие верить всему, что он говорит. Естественно, наше знакомство с Пранасом без рюмки не обошлось. За рюмкой меня Митя и представил и, как мне кажется, приукрасил мою, новую для Пранаса персону, не без иронии сделав акцент на моем дурном упрямстве: «дорулить» историю с фильмом до конца.

Позднее наши застолья проходили в некоторых значных местах Москвы, где Пранас мог увидеть меня в естественной для меня обстановке — в окружении огромного количества знакомых, завсегдатаев, барышень и т.д. В те времена в Москве было два знаковых места, где собиралась так называемая богема. Это ресторан «Дома Актера ВТО» и ресторан «Дома Кино». Кстати, мы и повстречались с Митей как раз где-то между двумя этими домами. Близкие друзья Мити, которых я знал ранее; уникальный художник-реставратор Сережа Богословский, Валера Нисанов, который звался не простым фотографом, а фотохудожником, что бесспорно тешило его самолюбие, Сева Абдулов, потрясающий человек, артист, ближайший друг Владимира Высоцкого, да и сам Володя, — все они звали его почему-то Митечкой.

Так вот, Сережа Богословский, большой знаток поэзии, он, на мой взгляд (да и не только на мой), был настоящим виртуозом слова. У него был свой стиль повествования и рассказа, ни на чей больше не похожий, и все, кому довелось с ним общаться, согласились бы, что его надо записывать. Записывать, а потом — при случае — издать «ликбез»... Ольга Всеволодовна, надо заметить, очень любила этого остролова. Грешным делом, я сразу подумал, что «Митечка» — это выдумка Сережи. Я позвонил ему, чтобы подтвердить свою догадку. Однако здесь моя интуиция меня подвела.

— Не Митечка, а Митечко, — поведал мне Богословский, — это изобрел Пранас, он был мастер на всякие кликухи. И Венечка Ерофеев — это тоже придумал он.

И мне вновь захотелось связаться с Пранасом. Я позвонил ему в Вильнюс с одной только целью — подтвердить версию Богословского, а получилось, что попутно много чего еще узнал интересного.

Пранас попал в дом Ольги Всеволодовны аж в середине XX века, в 1955 году. Хотя, по его словам, это случилось не так давно. Он тогда учился в университете, и там издавалась стенгазета, литературная. Он и его друзья-сокурсники писали небольшие эссе о литераторах: Володя Муравьев — про Анну Андреевну, Боря Успенский, ныне академик, — про Николая Гумилева...

— ...а я про Бориса Леонидовича написал такую статью. И нас вызывали в ректорат... В общем, я двигался по этим тайным путям порядка. И один приятель привел меня в этот дом, Ольга Всеволодовна, помню, вышла в ярко-голубом одеянии. В 1956 году, солнечной осенью, этот приход состоялся, но Бориса Леонидовича там не было, и я так его никогда и не видел. Но я никогда не стремился к знаменитым людям, они как-то сами меня всегда находили. Но у них дома я чувствовал себя, как рыба в этой пресловутой воде, там была очень семейная атмосфера, а в Литве отношения холодноваты между людьми.

Итак, мы взялись за сценарий, начали писать, работали втроем: в основном, конечно, Пранас, мы же с Митей выполняли функции бойцов «невидимого фронта». Естественно, Митя был старшиной, а я — рядовым. Характерная картина тех дней: мы за столом, а Ольга Всеволодовна восседает в ее любимом кресле, как императрица. Как сейчас помню ее красивый золотистый халат, слева у ноги посапывает Арончик, справа стоит